

Гетто, которого «не

Александр Локшин

Спор, возникший между двумя журналистами в одной из программ радиостанции «Эхо Москвы» на тему «было ли в Москве еврейское гетто», быстро вышел за пределы радиоэфира, в него включился даже официальный представитель российского МИД Мария Захарова. К спору дилетантов присоединяется профессиональный историк.

О евреях в Москве известно с XV столетия. Среди них были врачи и купцы. Но по причине их веры им, как правило, запрещалось селиться на Руси. Впрочем, условия изменились, когда после разделов Польши во второй половине XVIII века евреи стали подданными Российской империи.

Еврейские купцы начали приезжать в Москву по торговым делам и искать себе жильё поблизости от места своей коммерции. Приезжали они с товарами для оптовой продажи и закупали большие партии тканей местного производства. Как свидетельствуют документы, в Москве на протяжении всего царствования Николая I была только одна территория, на которой евреям разрешалась «временная прописка». Мемуаристы и историки

В своё время дом принадлежал действительному статскому советнику Дмитрию Глебову и получил название по имени владельца. В конце жизни ослепший хозяин пожертвовал своё владение городской казне с условием, что все доходы от аренды должны поступать на содержание местной глазной больницы.

▼ Русские менцы (Еврей среди русских менца в Москве). Антография Генриха Митрейгера, конец 1830-х — начало 1840-х годов

«БЫЛО»

называют в Зарядье место, где располагалось «московское гетто», определённое властями для временного проживания евреев, — вблизи Гостиного Двора, в Знаменском переулке, в двухэтажном доме, известном как Глебовское подворье.

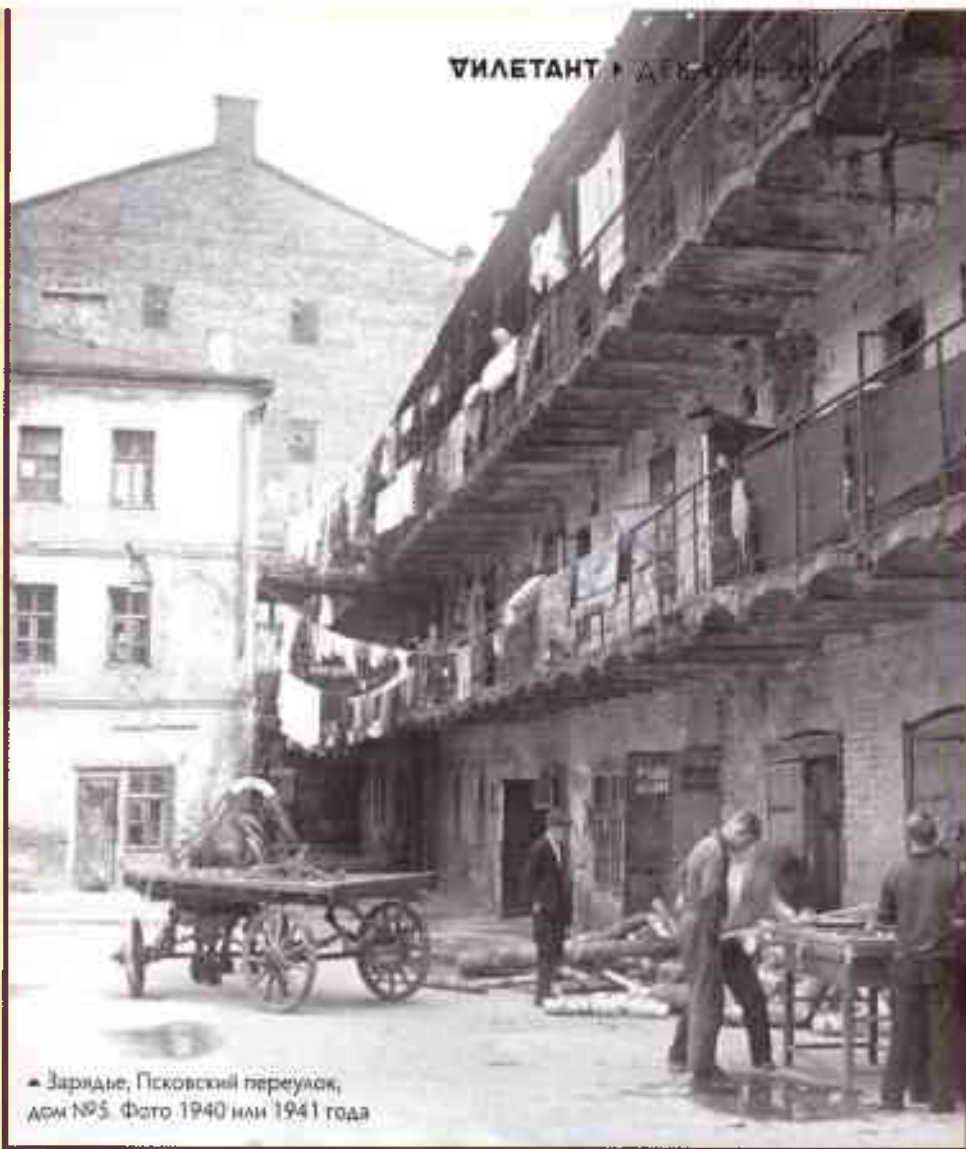
Уже в 1820-х годах в Зарядье находились первые еврейские учреждения — в основном молельни. В 1827 году министр внутренних дел дозволил еврейским купцам бывать в Москве, но без семей и не более двух раз в год, максимум в течение двух месяцев. В следующем году московский генерал-губернатор князь Дмитрий Голицын постановил, что во время пребывания в Москве евреи обязаны проживать в доме Глебовского подворья в Зарядье, где и раньше жили и хранили свои товары приезжие купцы, в первую очередь евреи. Сдача Глебовского подворья только еврейским купцам облегчала контроль над ними. В дальнейшем Комитет министров признал временный статус подворья как еврейского постоянного двора. «Еврейское подворье» продолжало существовать до конца царствования Николая I.

В случае поездки в Москву, ещё по месту жительства, еврею следовало запастись, кроме обычного,

Казачий конвой препровождал еврея на «Жидовское подворье»

и губернаторским паспортом. Получение его стоило немалых хлопот и денег. У московской заставы еврея встречали казаки, отбирали паспорт и прочие документы, казачий конвой препровождал еврея на «Жидовское подворье». Отсюда с городовым его доставляли в полицейский участок. Потом, после выполнения формальностей и дачи

↑ Глебовское подворье на плане Москвы 1846 года

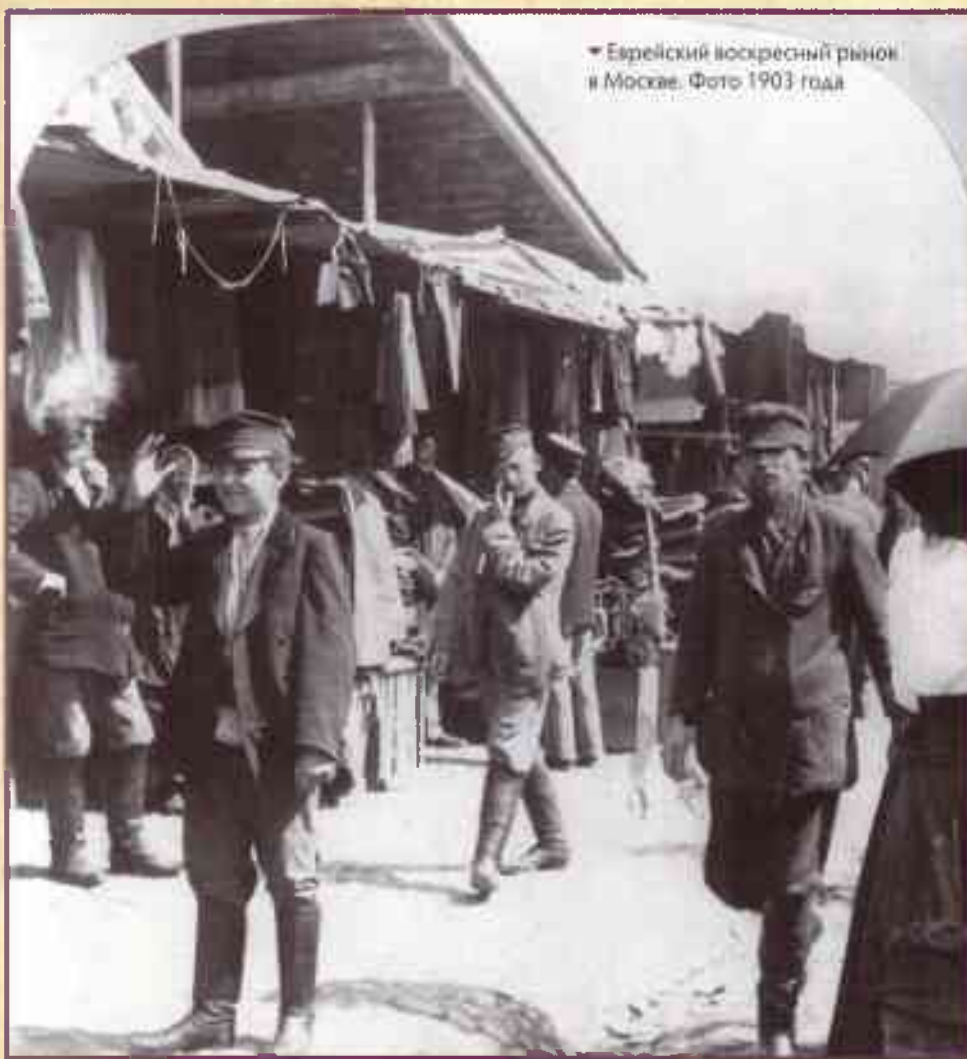
▲ Зарядье, Псковский переулок, дом №95. Фото 1940 или 1941 года

хорошей взятки, еврей получал разрешение на жительство в Глебовском подворье. Из рук полиции он попадал в руки коменданта подворья, по усмотрению которого после назначения цены предоставлялось помещение.

Став временным обитателем подворья, жилец должен был подчиняться всем порядкам и законам. Упаковку для товаров — рогожи, верёвки, ящики — должен был приобретать на месте. Упаковывать товар вне подворья не позволялось. И платить за это приходилось втридорога. Порядки в подворье были строгие. Запиралось оно в определённый час, и опоздавшему приходилось ночевать на улице. Со своими жильцами комендант общался как с заключёнными.

В рассказе «Наследственный подсвечник» Осип Рабинович (1817–1869),

первый литератор, познакомивший русскую читающую публику с неизвестным еврейским миром, писал, что трижды подавал прошение губернатору о паспорте, прежде чем его получил. В полученном документе указывалось, что «такой-то, отпущен в Москву...». «Словно я содержался на привязи», — комментировал Рабинович. «Хорошо-с... приезжаю в Москву. Только что завидели на заставе в моём паспорте опасное слово «еврей», как начались разные церемонии. Посадили мне на козлы казака, которому вручили мой паспорт в руки. Проехал я, значит, полгорода с конвоем, как будто я совершил какое преступление. Привезли меня на Жидовское подворье... Не дав мне ни умыться, ни отдохнуть с дороги, городской потащил меня в часть, где я простоял на ногах битых три часа, выслушал целый короб грубостей от разных чиновников и облегчил свой кошелёк несколькими рублями... Не со мною одним так

▼ Еврейский воскресный рынок в Москве. Фото 1903 года

поступили: со всяким евреем так поступают... И что за комнаты! Грязь, копоть, нечистота в каждом углу. К чему жидам лучшее помещение...»

Герою рассказа «Наследственный подсвечник» захотелось побывать в театре: «Давали Гамлета...засиделся я в театре и забыл всё на свете...»

невообразимое удовольствие чувствовал. Кончилась пьеса. На часы смотреть и не подумал; пошёл себе, знаете, в трактир перехватить чего-нибудь солёненького; оттуда домой. Звоню в колокольчик... дворник спрашивает:

▼ Зарядье, в центре видна первая в Москве синагога со звёздами Давида на стенах. Фото начала XX века

кто там? Я отвечаю: свои, мол, отвори, любезный. Куда, и слышать не хочет... Стою я у ворот и подплясываю — мороз трескучий. Вдруг обход. «Что за человек?» Так и так, говорю, в театре был, а теперь вот дворник не пускает, квартирую, дескать, тут, в подворье. «А, в подворье, — отвечает квартальный, — значит, еврей... не шлейся, мерзавец, по ночам... Веди его в часть"... Усадили меня с разными бродягами, да пьяницами, да ночными пташками. Всю ночь глаза не смыкал... Думал, что утром выпустят. Пристав всех, задержанных ночью, попросил, кроме меня, и с рапортом отправился; а я всё в арестантской зеваю... спасибо, один человек надоумил. Пришлось прибегнуть к кошельку... Насилу к обеду отпустили. Каково, а? Великое преступление сделал, Москву опасности подвергнул, что вздумал Гамлета посмотреть... Кончил я своё дело и давай драла из Москвы без оглядки, даже не успел порядком город осмотреть. Таким-то образом... познакомился я с Москвой белокаменной...»

Всё население Глебовского подворья состояло только из мужчин, не имевших никаких связей с жителями Москвы. Днём они отправлялись по своим делам в разные «ряды» или в Гостиный Двор. После работы проводили время в беседах, узнавали новости, сообщали вести с родины. За пределы подворья почти никто не выходил. Тут была и столовая, где готовилась пища по законам иудейской религии. По субботам евреи не работали, оставались дома, ворота подворья запирались уже в пятницу и — вплоть до вечера субботы или утра воскресенья.

Современники и первые хронисты, писавшие о еврейской общине в Москве, называли Глебовское подворье «московским гетто». Конечно, Глебовское подворье не сопоставимо, скажем, с Венецианским гетто раннего Нового времени — оно не было постоянным местом жительства и не представляло собой еврейский квартал с общинной инфраструктурой.

Записка еврейских купцов от 1847 года министру внутренних дел с просьбой отменить «унизительное принуждённое квартирование в Глебовском подворье» не дала результатов. Лишь после вступления на престол Александра II в 1856 году было принято постановление об упразднении Глебовского подворья. Согласно официальным данным, с 1838 по 1847 год общее число евреев, временно проживавших в подворье, составило 3049 человек.

В июне 1856 года, в канун начала Великих реформ, «еврейское подворье», просуществовав тридцать лет, было упразднено. Евреям было разрешено повсеместно селиться в Москве, но на протяжении долгих лет подворье оставалось для многих из них основным местом обитания.

К концу 1870-х годов вблизи Глебовского подворья появилась и первая в Москве синагога. Евреи, отслужившие в армии 25 лет, имели право на семейную жизнь, и купцы вместе с товарами привозили в Москву девушек из бедных еврейских семей. «Времени на ухаживание не было, — писал автор очерка «Евреи в Москве» Самуил Вермель. — Очень быстро составляли брачный договор... раввин благословлял молодых, служилый становился семейным человеком, а его жена и дети получали право на жительство в Первопрестольной; их внуки называли себя коренными москвичами».

Корреспондент газеты «День» в середине 1860-х описывал жизнь евреев в самом сердце Москвы: «У нас на самом деле существует «китайская стена», окружающая наше московское гетто — Зарядье. Здесь скромно приютилась в тесных, серых, грязных помещениях большая

▲ Харчевня «У хромой собаки» (Zum Krummen Hund) у Проломных ворот в Москве. Зарядье, Псковский переулок, 1910-е годы

часть нашего еврейского населения. Евреи как будто сроднились с этой местностью, и русское население, так сказать, с ним сжилось и свыклось, не питая к ним никаких недружелюбных чувств».

Зарядье в начале 1870-х годов, как свидетельствовал автор книги «Ушедшая Москва. Записки по личным воспоминаниям с начала 1870 годов» писатель Иван Белоусов (1863–1930), было наполовину заселено евреями. «Жили евреи, мелкие торговцы

Излюбленным местом прогулок был Александровский сад

и ремесленники, снимая комнаты, в домах известных домовладельцев, которые строили дома для сдачи, и тип построек был самый экономный; для того чтобы уменьшить число лестниц и входов, с надворной части были устроены длинные галереи, или, как их называли, «галдарейки», в каждую квартиру вёл только один вход. На «галдарейках» в летнее время располагались мастеровые со своими работами».

Праздники евреи соблюдали строго, никакой торговли и работы в эти дни не было. С вечера пятницы шумное, суетливое Зарядье затихало. В каждом доме готовили ужин, за которым собиралась вся семья, на столах в особых высоких подсвечниках горели свечи, зажигавшиеся только в праздники. Ужинали, не снимая картузов, так молились и в синагогах. Днём в субботу сидели дома, с утра читали священные книги, а к вечеру шли гулять. Излюбленным местом прогулок был Александровский сад.

В дни кущей (Суккот — праздник в память о том, что после Исхода из Египта евреи жили в шалашах-кущах. — А. Л.), после осеннего праздника, когда евреям по закону нельзя было принимать пищу в закрытых помещениях, строились временные, из лёгкого теса длинные сараи, покрытые вместо крыши ветвями ёлок, так что сквозь них было видно небо. Принятие пищи в этот праздник евреям дозволялось только вечером — после заката солнца. И в эти сараи-кущи собирались со всего дома для вечерней трапезы все жильцы-евреи...

Вот как было то, чего «не было». ▼

Автор — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН